

Кодекс Отражений

Николай Камелин

Кодекс Отражений

<https://litres.ru/74017461>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завершение трилогии про Никиту, в которую также входят первая книга «Прощай, Питер!» и вторая книга «Балансировщики». Герой находит ответы на все свои вопросы и проходит последнюю трансформацию ради окончательной победы над злом на всех уровнях и во всех мирах этой вселенной.

Содержание

КОДЕКС ОТРАЖЕНИЙ	4
НИКОЛАЙ КАМЕЛИН ПРОЛОГ	4
ГЛАВА I. Книга ждет	12
ГЛАВА II. Зависшее зеркало	24
ГЛАВА III. Непослушный человек	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Камелин Кодекс Отражений КОДЕКС ОТРАЖЕНИЙ

НИКОЛАЙ КАМЕЛИН ПРОЛОГ

*«Бог же не есть Бог мертвых, но живых,
ибо у Него все живы». Лк: 20: 38-38*

Два года назад я и представить не мог, что все так обернется. Приключения закончились, жизнь успокоилась и у меня было все, что человек привык считать счастьем: работа, дом, жена, дети и планы на завтра. В такие моменты кажется, что все успеешь. Именно тогда это и произошло.

Я приехал на могилу матери. Кладбище встретило меня запахом прелых листьев и сырой земли. Я шел по центральной аллее, зажав в руке букет тюльпанов. Ярко-красные цветы казались здесь чужими, как будто кто-то воткнул в старую черно-белую фотографию кусочек цветной бумаги. Я нес их и думал, что они похожи на пластмассу.

Мамина могила была аккуратной. Жена настояла — черный гранит, четкие буквы и фотография. Я не никогда не любил эту фотографию. На ней мать выглядит не так, как я

ее помню. Я положил цветы на могилу.

— Прости, что редко прихожу, — сказал я вслух.

Слова упали в тишину и растворились. Ни эха, ни ответа. Только ветер тихонько шевельнул ветки старой березы над головой и мир снова замер. Я стоял и смотрел на камень. Потом потрогал его, как будто надеялся что-то почувствовать через холодный гранит.

— Интересно, ты там вообще есть?

В ответ где-то в глубине березы скрипнула ветка. Негромко, почти нежно. Я усмехнулся.

— Понял. Будем считать, что есть.

И тут я заметил трещину, которая шла наискосок по нижней части надгробия — от правого угла к центру. Трещина заканчивалась острым клином, похожим на стрелу, которая указывала куда-то правее и чуть назад. Стрелка была слишком ровной, как-будто нарисованной.

Я обернулся.

В нескольких метрах позади, чуть в стороне от аллеи, среди облетевших кустов стояло надгробие — чугунная ограда, покосившийся крест, и плита из серого известняка, который от времени стал похож на кожу очень старого человека. Что-то в этом камне было не так.

Я подошел ближе. На плите светился овал эмалевого портрета в металлической рамке — такие делали в советское время, и они всегда выглядят свежо, потому что эмаль не стареет так, как стареет камень. Камень крошится, порастает

мхом и покрывается трещинами, пока лицо на портрете остается таким, каким было в день похорон. Четким и неуместно живым.

Я посмотрел на лицо и не сразу понял, что именно с ним не так. Мозг пытался нащупать разницу, сравнивал что-то, перебирал, как карточки в старом ящике. Потом я понял — это было мое лицо. Не «похожее на мое», а именно мое — скулы, надбровные дуги, складка у правого угла рта, которую я вижу каждое утро в зеркале... Только глаза на портрете были как у куклы, из которой вынули батарейки.

Я стоял и смотрел. Ветер затих, кладбище замерло. Потом я опустил взгляд на надпись. Большинство букв стерлось — время, влажность, мороз сделали свое дело. Но первые две буквы еще читались. Две большие буквы с завитками:

«НИ...»

Дальше камень порос лишайником. Я медленно присел на корточки и пальцем провел по буквам. Почему-то мне показалось, что они были липкими. Не мокрыми, а именно липкими. Я отдернул руку и вытер пальцы о штаны. Затем достал из кармана носовой платок и начал осторожно протирать плиту в том месте, где должны быть следующие буквы. Я хотел узнать имя. Грязь поддавалась медленно. Под пальцами проступало что-то похожее на «К» или «И». Или «Т».

«НИК...»

Я наклонился ближе. Вдруг налетел сильный ветер и береза над маминой могилой скрипнула и затрещала. Я успел

только поднять голову, дальше — темнота. И перед тем, как в нее провалиться я услышал тихий, но очень отчетливый шепот:

— *Наконец-то.*

А потом я увидел тень, которая стояла надо мной. Без лица, но в моей куртке, в моих ботинках, и с моей сутулостью. Пока я смотрел на нее снизу вверх, пока гудело в голове и земля качалась, я успел заметить дату на надгробии. Дата была отчетливой, в отличие от имени. Свежей, будто кто-то поставил ее совсем недавно.

Сегодняшнее число. А потом — темнота. Настоящая.

* * *

Он шел по лестнице и был в прекрасном настроении, напевая себе под нос веселую песенку и постукивая в такт по перилам и стенам парадной. Черный Человек почти всегда был в прекрасном настроении — это было его базовое состояние. Плохое настроение у него случалось редко. Примерно так же редко, как у обычного человека случается хорошее. Поэтому, когда у него что-то шло не так — это было заметно. Но сейчас все шло так.

Подъезд был обычным — высокие потолки, облупившаяся штукатурка, запах вымытых полов и жареного лука. На третьем этаже кто-то оставил детский самокат, и Черный Человек перешагнул через него с той снисходительной граци-

ей, с какой люди перешагивают через кошек. На четвертом дверь в квартиру была приоткрыта, оттуда тянуло домашней стряпней и слышался звук телевизора. Черный человек ненадолго задержался возле этой двери, скользнул взглядом внутрь, отметил что-то про себя и пошел дальше.

Он улыбался и напевал что-то вроде джазовой импровизации, которую сочинял на ходу, а пальцами постукивал по перилам — раз-два-три, раз-два. Железо отзывалось тихим звоном. На пятом этаже Черный человек остановился перед нужной дверью. Звонить он не собирался.

Он сделал шаг — и оказался внутри. Черный Человек не звонит в двери. Черный Человек входит. Это принципиальная разница в подходах, примерно как между тем, кто просит разрешения, и тем, кто просто берет. Он всегда брал.

Квартира была небольшой и темной. Узкая прихожая с вешалкой, на которой висели куртки в три слоя. На полу кроссовки, одна на боку. В углу початая бутылка без этикетки. Черный Человек поморщился, но скорее эстетически. Беспорядок его не раздражал, он просто предпочитал другую эстетику.

Черный Человек прошел в комнату и остановился. Никита лежал на полу лицом вниз. Неловко, по-кукольному — одна рука подвернута под живот, другая откинута в сторону. Рядом валялся пустой стакан, откатившийся к ножке дивана. На диване лежали смятое одеяло, пепельница с окурками и телефон с темным экраном. Пахло кисло.

Черный Человек не сразу понял. Он видел детали — неудобную позу, синеватый оттенок кожи и полную тишину в груди Никиты, которую он умел слышать. Потом понял. Никита был мертв. Он захлебнулся рвотой. Без всякого драматизма, без последних слов, без ничего. Так умирают люди, которых никто не ждет.

Он стоял над Никитой и молчал. Потом выругался. Не от злости, от разочарования.

— Ну надо же, — сказал он вслух. — Ну надо же.

Черный Человек обернулся. В прихожей висело большое зеркало в деревянной раме, каких много в старых питерских квартирах. Зеркало отражало узкий коридор, куртки, краешек двери и его самого. Черный Человек посмотрел на свое отражение. Отражение смотрело обратно. Спокойно. С любопытством.

Не скрывая досады, Черный Человек ударил по зеркалу. Резко, без размаха, снизу вверх. В ответ зеркало взорвалось. Осколки разлетелись по всей прихожей: большие, маленькие, совсем крошечные. Деревянная рама упала на пол и раскололась пополам. Блестящие кусочки легли как попало, заполнив пространство десятками ярких точек.

И вот тут началось нечто странное. От самого большого осколка, который упал возле стены, по полу пошла рябь. Не физическая, скорее как дрожание воздуха над раскаленным асфальтом. Она расходилась кольцами и захватывала один осколок за другим. В ответ осколки словно оживали и каж-

дый осколок показывал что-то свое.

Черный Человек присел на корточки и начал с любопытством присматриваться. В первом осколке была ванная комната и Никита, который лежал в наполненной ванне лицом вниз. Во втором Никита сидел за столом в кухне, запрокинув голову. Подавился и умер. Руки сжали край стола так, что побелели костяшки. В третьем была темная лестничная клетка на которой в петле висел Никита.

В четвертом ночная улица, мокрый асфальт, отблески фонарей и сбитый случайной машиной он — опять Никита. В пятом дачный дом, лето и Никита, который упал с крыши и разбился. Осколки были повсюду, и в каждом — он. С бородой и без, в деловом костюме и в майке, молодой и постарше, но всегда мертвый. Черный Человек смотрел долго. Потом встал. Поправил рукав и оглядел прихожую — осколки на полу и темная комната с неподвижным Никитой.

— Занятно, — сказал он. И в голосе его уже не было разочарования. Было что-то другое. Что-то похожее на интерес.

Черный Человек не любил, когда ему мешали. Но он умел менять планы на ходу. Гибкость была одним из его главных достоинств. Гибкость и умение увидеть в провале возможность. Он развернулся и пошел к выходу, но в шаге от порога остановился. Что-то привлекло внимание.

В самом большом осколке — том, что лег у стены, отразилось кладбище. Ноябрьское, серое, с березой без листьев. И старое надгробие с эмалевым портретом. На секунду ему

показалось, что поверхность этого осколка стала радужной, как бензин, пролитый в лужу. Но этот блеск исчез прежде, чем Черный Человек успел его рассмотреть. На улице раздался рев автомобиля без глушителя. «Очень занятно», — повторил Черный человек, чуть заметно улыбнулся и вышел в подъезд.

ГЛАВА I. Книга ждет

«Черный человек

Глядит на меня в упор».

Сергей Есенин «Черный человек», поэма.

Я сидел за ноутбуком и думал о том, как правильно начать первую главу, потому что с нее начинается все и она должна быть такой, чтобы человек не захлопнул книгу на третьей странице и не пошел смотреть сериал. Давление колоссальное. Я это понимал и уже сорок минут смотрел на пустой экран.

За стеной что-то упало. Судя по звуку, это была пирамида кастрюль, которую никто в моем доме не умел сложить правильно. Потом раздался голос жены, не тревожный, просто информативный: «Ничего страшного, я сама». Я выдохнул и снова уставился в экран.

«Однажды». Удалил.

В этот момент телефон завибрировал. Я покосился на экран: новая заявка с сайта. Клиент хотел текст для лендинга «срочно, желательно сегодня, бюджет обсудим». Я знал, что «бюджет обсудим» в переводе на нормальный язык означает «мы надеемся, что вы сделаете это за спасибо, потому что у нас пока нет денег, но зато есть амбиции». Я отложил телефон.

Снова экран. Снова курсор, мигающий с методичностью

метронома.

Книга существовала уже несколько месяцев, в том смысле, в каком существуют вещи, которые есть в голове, но которых еще нет в материальном мире. В голове она была огромной — главы, диалоги, образы, сцены, которые я продумывал со всей тщательностью. Там были замысел, интонация и даже первая фраза. Не «однажды», а та самая, от которой должно случиться волшебство. Кажется, я ее слышал. Но как только садился и открывал ноутбук, она куда-то уходила и пряталась. Как кот, которого зовут на руки именно тогда, когда он не хочет.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонок. Клиент постоянный, платит вовремя, но звонит всегда не вовремя. Я посмотрел на экран ноутбука, потом на телефон, потом снова на ноутбук.

— Да?

— Никита, добрый день! Я по поводу статьи про поликарбонат, которую мы обсуждали. Нам нужно еще три таких же, только про профнастил, металлочерепицу и ондулин. Можете к пятнице?

Я закрыл глаза.

— Смогу.

Положил трубку. Открыл глаза. Курсор мигал. За окном было серое ноябрьское небо, которое с октября по март выглядит словно кто-то затянул горизонт серой пленкой и забыл снять. Я открыл новый документ и написал: «Профна-

стиль представляет собой...».

Книгу я свернул. Книга никуда не денется. Она подождет. Книга всегда ждет.

* * *

День прошел как обычно. С утра статья про профнастил. Потом письмо от другого клиента, которому нужно было немного поправить текст. Потом еще одна заявка для сайта стоматологии, которой нужны были «живые и теплые» тексты на сайт. Я попытался было понять, как писать про удаление зубов мудрости живо и тепло. Но потом решил, что как-нибудь разберусь в процессе.

Дети пришли из школы около трех. Старший сразу потребовал есть, а младшая помощи с каким-то заданием по окружающий мир, где нужно было нарисовать цепочку питания. Потом мы искали учебник, который обнаружился под диваном. И когда я вернулся к статье о зубной клинике то обнаружил, что забыл, на чем остановился.

Вечером позвонила жена клиента по поликарбонату, чтобы уточнить детали насчет того, правильно ли я понимаю специфику продукта. Я понимал. Я написал уже сто пятьдесят статей про поликарбонат и понимал про него все, что можно понять не работая на заводе. Разговор продолжался полчаса.

Потом были ужин, разговор с женой про то, что надо за-

писать младшую к логопеду и вечернее время укладывание детей. А в половине десятого я снова сел за ноутбук.

Открыл книгу. Посмотрел на курсор. Написал: «Он не знал, с чего начать». Посмотрел на эту фразу. Усмехнулся и удалил. Просидел до одиннадцати и лег спать.

* * *

На следующий день все повторилось в том же порядке, только вместо поликарбоната был сайдинг, а вместо зубной клиники ортопедический салон. Дети снова теряли учебники, телефон не замолкал, а книга ждала.

Так прошла неделя. Потом еще одна. Я не закрывал документ и держал его открытым в фоне: маленькая кнопка на панели задач, как напоминание о том, что книга существует. Иногда, в промежутке между двумя звонками или пока грелся чайник, я открывал ее и смотрел на то, что уже написано. Там было немного, но зато не про поликарбонат и не про ондулин.

В один из пасмурных дней с мелким дождем, который не мог определиться, идти ему или нет, я решил убраться в ванной. Не потому что очень хотел, а потому что это был хороший способ легально отвлечься от ноутбука. Я взял тряпку и спрей, и пошел наводить чистоту.

Зеркало в ванной было во всю стену над раковиной, с разводами в правом нижнем углу, которые не отмывались уже несколько недель. Я пшикнул спреем и начал тереть сверху вниз, а потом потом снизу вверх. Методично, почти медитативно.

Пока тер я смотрел на свое отражение и думал про первую главу книги. Может быть проблема не в первой фразе, а в точке зрения? Кто говорит, откуда смотрит, чей это голос. Может стоило начать с конца или с середины? Или вообще не с того, что я планировал, а с чего-то неожиданного, такого, что удивит даже меня.

Я тер зеркало и думал. А потом остановился на секунду, но отражение продолжило натирать стекло. Рука в зеркале продолжала двигаться еще секунду — медленно и лениво, как будто зеркальный Никита не спешил синхронизироваться с оригиналом. Потом рука в зеркале тоже замерла, но уже под другим углом.

Я опустил тряпку и понял, что отражение на меня смотрит. Не отрает, а именно смотрит: оценивающе и немного снисходительно. Так смотрит человек, который точно знает что-то, чего вы не знаете, и пока не решил, стоит ли вам об этом сообщать.

— Эй, — сказал я. — Ты же я.

Я понимал, что это звучит глупо. Но что еще можно сказать собственному отражению, которое ведет себя неправильно? Отражение чуть наклонило голову. И совсем тихо, так, что я скорее угадал это по движению губ, чем услышал, произнесло:

— *Ты не самый удачливый из нас. Не самая удачная версия.*

Я некоторое время стоял с тряпкой в руке и обдумывал услышанное.

— В каком смысле?

И в этот момент отражение начало изменяться. Оно не размывалось и не исчезало, а именно менялось: моя одежда стала другой, осанка другой, и что-то в лице тоже стало другим. Как будто кто-то взял мои черты и переставил в другом порядке. Тот же материал, другой результат. Отражение теперь было в черном, а не в джинсах и растянутом свитере, как я. Скорее в чем-то сценическом, плотном и с воротом под горло.

А потом зеркало показало сцену. Не комнату и не ванную — буквально сцену. Настоящую, с прожекторами, с темным залом за ней и микрофонной стойкой в центре. Толпа перед сценой была огромной. Отражение стояло перед этим залом уверенно и естественно, как будто для него не существовало другого места в этом мире. Оно пело или что-то говорило, слов не было слышно. Только ритм, движение и то неуловимое, что есть у людей, которые умеют держать зал.

Я стоял и смотрел. С тряпки в руке капала вода на кафельный пол. Где-то в другой комнате звонил телефон. Наверное, очередной клиент, очередной профнастил, очередное «срочно к пятнице». Но это уже словно в другом мире.

Я сделал шаг вперед, чтобы лучше разглядеть этот мир. Потом еще один шаг и еще. Холодное стекло должно было остановить меня — упереться в лоб, в плечо, в вытянутую руку. Но стекла не было. Была только легкая рябь, похожая поверхность воды, которую задела пальцем. Незаметно для себя я оказался по другую сторону стекла, в другом пространстве, в другом воздухе.

В этот момент телефон в кармане завибрировал снова. И я, по въевшейся за годы привычке, машинально вытащил его и посмотрел на экран. Там было уведомление от мессенджера: клиент прислал новый бриф: «Нужен текст про металлочерепицу. Объем — 5000 знаков. Срок — завтра». Я вздохнул, убрал телефон, поднял взгляд и только тогда понял, что ванная куда-то делась.

* * *

Никита пил третью ночь подряд. Это был его обычный ритм: три-четыре дня на работе, потом ночь в квартире на Петроградской, где в шкафу стояли правильные бутылки, а на столе лежали правильные порошки и никто не задавал вопросов. Квартира принадлежала одному его человеку, кото-

рый давно усвоил, что самое умное, что можно сделать, когда здесь бывает хозяин — исчезнуть.

Никита сидел в кресле у окна. За окном был город — огни, мокрые крыши, далекий звук сирены. Все как обычно. На столике рядом стояли бокал, початая бутылка хорошего виски, телефон с отключенным звуком и небольшое зеркальце с белой полосой, аккуратно разложенной вдоль края.

Он не чувствовал себя плохо. Он вообще редко чувствовал себя плохо, в этом был смысл всей конструкции. Плохо — это для других. Для тех, кто не умеет управлять своим состоянием. Никита умел. По крайней мере, он так думал.

Голос появился как обычно — изнутри, как собственная мысль, как продолжение того, что он и сам думал секунду назад. Как всегда. Граница между своим и чужим голосом в его голове стерлась настолько давно, что он уже не помнил, когда именно это случилось.

«Давай еще один. Ты же еще не закончил».

Никита потянулся к бутылке.

«А потом позвони этому. Ну, тому, которому обещал вернуть деньги. Скажи, что перепутал. Пусть понервничает еще немного — это весело».

Никита налил, поднял бокал и... поставил обратно. Не резко, без позерства. Просто поставил. Как будто передумал пить чай, потому что не хочется. Самое обыкновенное движение.

«Ну? В чем дело?».

Он не знал, в чем дело. И это его и беспокоило. Смутно, на периферии, там, где обычно что-то замечаешь краем глаза, но не успеваешь разглядеть. Не хотелось. Не виски. Виски он выпьет, это не вопрос. Не хотелось звонить тому, которому обещал вернуть деньги. Не сейчас. Не этой ночью. Вот, что было странно.

Никита смотрел на бокал и думал: что если позвонить не ему, а кому-нибудь другому? Кому-нибудь, кому он мог бы сказать что-то нормальное. Не про деньги, не про дела. Просто так. Спросить, как дела. Сказать, что вспомнил. Мысль была тихой и совершенно непрошеной.

«Ты что, размяк?».

Голос был недовольным, как бывает у человека, которому мешают делать важное дело. Никита почти улыбнулся. Ему редко говорили «ты размяк». Обычно говорили другое.

«Вмажь еще. Сразу полегчает».

— Нет, пожалуй, на сегодня хватит, — сказал Никита.

Он сам удивился, что произнес это вслух. Обычно такие вещи происходили внутри, в той части головы, где слова не имеют формы. Но сейчас он сказал это — в комнату, в темноту, в окно с мокрыми крышами. Словно с кем-то разговаривал. Голос замолчал. Не ушел, а именно замолчал. Как замолкает кто-то, кого застали врасплох. Пауза длиной в несколько секунд, но в этой паузе звучало что-то похожее на растерянность.

Никита взял телефон и открыл контакты. Прокручивал

долго — имена, имена, имена, большинство из которых означали либо деньги, либо проблемы, либо и то и другое. Потом остановился на одном. Старый номер. Человек, которому он когда-то доверял. До того, как научился не доверять никому. Никита долго смотрел на это имя. Потом убрал телефон. Он не позвонил. Но и не сделал того, чего от него ждали. Просто сидел у окна с нетронутым бокалом и смотрел на мокрые крыши — и на минуту что-то в нем словно успокоилось.

* * *

Черный Человек сразу почувствовал, что что-то не так. Он никогда не показывал себя, это было бы слишком грубо, слишком прямолинейно. Черный человек работал иначе: как сигнал, как фон, как тот голос в голове, который человек принимает за свой собственный — это была тонкая работа. Работа, которой он гордился.

Но сейчас что-то в этой работе дало сбой. На долю секунды пошло не туда. Сигнал прошел, был принят, но не был выполнен, впервые за очень долгое время. Черный Человек прислушался. Он стоял на крыше соседнего дома — Черный Человек любил высоту, любил смотреть на город сверху — это давало правильное ощущение перспективы. Сейчас он смотрел на освещенное окно квартиры на Петроградской, где сидел его человек. Его работа. Его, если называть вещи своими именами, произведение. И это произведение только

что отказалось выпить.

Некоторое время Черный Человек просто смотрел на это окно, а потом медленно наклонил голову как птица, которая заметила что-то необычное на земле и пытается понять, что именно. Это не могло быть случайностью. Случайности — это другое. Случайность он чувствовал иначе: она была рыхлой, рассыпчатой и без структуры. То, что произошло сейчас, было другим. В этом «нет, пожалуй, на сегодня хватит» была какая-то форма. Какая-то, пусть крошечная, пусть нелепая, но воля.

Откуда?

Черный Человек перебирал варианты быстро и методично, как перебирают колоду карт. Физическое состояние? Нет, сегодня Никита выпил достаточно, но не критически, реакции в норме. Страх? Нет — страх он бы почувствовал, страх был знакомым, почти домашним запахом. Раскаяние? Едва ли, к раскаянию этот человек двигался медленно, как ледник, это был процесс на годы.

Тогда — что?

Черный Человек смотрел на окно с интересом. В комнате горел свет. Фигура у окна не двигалась. И тут он почувствовал еще кое-что. Не от этого человека, от другого места. Словно запах, который доносится не с той стороны, откуда ждешь. Что-то смещенное, не из этой комнаты и не из этого города. Что-то из другой точки пространства, природу которого он пока не мог определить.

Помеха.

Черный Человек не любил помехи. Не потому что они его пугали, скорее потому, что они были неряшливыми. Они нарушали симметрию. А симметрия для него была важна. Он подумал секунду и решил, что это интересно.

Неприятности он тоже умел находить интересными — это было еще одним его достоинством, которое он в себе ценил. Неприятность — это просто задача, которую еще не решили. Черный Человек спрыгнул с крыши и пошел разбираться с помехами...

ГЛАВА II. Зависшее зеркало

«Мой черный человек в костюме сером!..

Он был министром, домуправом, офицером,

Как злобный клоун он менял личины

И бил под дых, внезапно, без причины».

В. С. Высоцкий — «Мой черный человек в костюме сером...»

Первое, что я заметил, был запах. Ванная в нашей квартире пахла детским шампунем, резиновой уточкой, которую младшая принципиально не отдавала мыть, и еще чем-то нейтральным, что не описать словами, но что я безошибочно узнал бы и с закрытыми глазами — запах своего дома, своего быта, своей обычной жизни. Здесь пахло иначе. Дорого. Как пахнут места, в которых деньги потрачены не на вещи, а на качество самого пространства. Я огляделся.

Это была не ванная. Точнее, это была ванная, но такая, рядом с которой моя собственная выглядела как черновик — большая и светлая, с матовым стеклом во всю стену, за которым угадывались огни города. Много огней, так плотно, будто внизу была не улица, а рассыпанная горсть янтаря. Раковина белая, на тонкой ножке, без видимых труб. А вот зеркало было то же самое по форме, но с другой стороны и в другой оправе. Оно отражало меня правильно и синхронно, тряпка все еще была в моей руке и с нее капало на пол.

Я положил тряпку на край раковины. Потом поднял снова. Потом снова положил. Телефон завибрировал — тот же бриф про металлочерепицу, то же уведомление. Хотя нет. Уведомление было то же самое, но сам телефон стал другим. Тоньше и новее. С маркой, которую я видел в магазинах, но никогда не открывал ценник. Я вышел из ванной.

* * *

Квартира была огромной. Не в том смысле, в каком бывают большие квартиры в панельных домах — это была другая категория пространства. Здесь даже воздух ощущался иначе, как будто его было достаточно и никто никогда не заполнял это место под завязку чужими вещами и чужим шумом. Окна от пола до потолка. За ними панорама города — большая, темно-синяя, с огнями, с Невой далеко внизу, с мостами.

Питер. Это был Питер. Но не тот серый, сырой и промозглый Питер, который Я помнил и от которого уехал. Это был Питер сверху, Питер в ноябрьской ночи, когда город выглядит почти красиво, когда темнота скрывает облупившиеся фасады и мокрый асфальт, и остаются только огни и отражения в воде.

Я медленно прошел через гостиную. На стенах висели большие и яркие фотографии. Я пригляделся и обомлел. Это был я. Такое же лицо, те же руки, та же манера немного наклонять голову вправо, которую всегда замечала жена. На

фотографии я стоял на огромной сцене, с такими прожекторами, что свет казался почти материальным и осязаемым. Внизу тысячи людей, и все они смотрели на меня.

Я долго стоял перед этой фотографией. На полке под ней лежали диски — мои диски! С моим именем и лицом на обложке. Я взял один. Повертел в руках. Хотел поставить в проигрыватель, но не нашел проигрыватель и положил диск обратно.

Потом заметил, что здесь не было детских рисунков на холодильнике и кроссовок у входа — ни детских, ни чужих. Не было ничего, что говорило бы о том, что здесь живут несколько человек. Все было аккуратно, дорого и очень одиноко.

* * *

Я вышел на улицу, потому что не мог просто сидеть в чужой квартире и ждать непонятно чего. Был такой фильм «Окно в Париж», там у жительницы питерской коммуналки в шкафу было окно, ведущее во Францию. А это окно куда?

Это был тот же Васильевский остров — улицы, по которым я ходил сотни раз. Большой проспект, линии, особняки с лепниной. Но что-то здесь было немного сдвинуто в общем ощущении. Как будто мир был тот же самый, но настроен на другую частоту.

Я шел и смотрел на людей. И тут началось кое-что, к чему

я совсем не был готов. Люди светились. Не буквально, как лампочки или что-то видимое посторонним взглядом. Скорее как второй слой на картинке, как то, что видишь краем зрения, но когда смотришь прямо оно исчезает.

Я сначала решил, что это эффект уличного освещения, но быстро понял, что это не так. Каждый человек нес в себе что-то вроде облака. У кого-то оно было ярким и теплым, как огонь свечи в темной комнате, почти золотым. У кого-то тусклым, едва заметным, как угли, которые почти догорели. У некоторых свет был странным, неровным и пульсирующим. А у одного мужчины, который торопливо шел мимо с папкой под мышкой, он был почти черным и задавленным, как будто кто-то накрыл его сверху тяжелым и не давал дышать.

— Можно автограф? — рядом стояла молоденькая девушка и смотрела на него преданными глазами. Она светилась чем-то золотисто-розовым. От такого близкого контакта я вздрогнул.

— Конечно, только у меня нечем расписаться.

— У меня есть, — девушка протянула блокнот и ручку. Я решил, что сейчас не время и не место выяснять, что случилось и самое простое будет просто дать автограф.

— Как тебя зовут?.. Держи.

— Спасибо! Последний концерт был просто отличным!

— Спасибо вам, хорошего дня!

Девушка отошла, я остановился посреди тротуара. Мимо

прошла женщина с коляской — у нее облачко было тихим и спокойным, как ровное горение хорошей свечи. За ней шли двое подростков с рюкзаками, у обоих облачка были яркие и немного хаотичные, как костер, в который только что подбросили дров. По другой стороне улицы не спеша шел старик с тростью — очень маленький, почти незаметный свет, но удивительно чистый и без примесей.

Я смотрел на все это и не знал, как к этому относиться. Я никогда не видел такого раньше. Ни в своем мире, ни в этом, пока не вышел на улицу. Как будто переход через зеркало открыл во мне какую-то настройку, которая раньше была выключена. Или, может, здесь это было просто видно. Может, в этой реальности свет людей не прятался так глубоко.

Хорошее начало для книги, если его записать. Лучше, чем простое «однажды». Я хотел это записать, но вспомнил, что книга осталась по другую сторону зеркала.

* * *

Я встретил себя в кафе на Первой линии, куда зашел погреться. Заказал чай — в кармане чужого пальто, которое я накинул выходя из дома, лежала кредитка, которая работала, я решил, что разберусь с хозяином потом.

Чай был хорошим, за окном шел мелкий настойчивый питерский дождь. Я грелся и думал, что делать дальше. И в это время в кофейню зашел я. Он остановился в дверях и мы

встретились глазами. Потом он подошел и сел напротив меня так спокойно, как садятся люди, которые давно знали, что именно это и произойдет.

Я смотрел на себя. Странно, вот так смотреть на собственное лицо напротив. Не в зеркале, где все перевернуто, а в жизни. Мое лицо было правильным: та же складка у правого угла рта, те же глаза, тот же разворот плеч. Но этот я держался иначе, как человек, которого привыкли замечать. Не высокомерно, просто естественно. Как кто-то, кто давно знает, что когда он входит в комнату, на него смотрят.

— Это что, программа розыгрыш? Кино про меня снимают что ли? — спросил он, подойдя к моему столику, — Нравится пальто? Это натуральный кашемир, — он улыбнулся и я окончательно растерялся.

— Да ладно-ладно, не волнуйся, сейчас все расскажу. Ты позже, чем я думал, — сказал он.

— Что?

— Я ждал тебя еще вчера, — двойник взял со стола мою чашку, посмотрел на нее и поставил обратно, — Зеркало уже несколько дней ведет себя странно. Я понял, что кто-то придет.

— Ты знал про зеркало?

— Я живу с ним двенадцать лет, — двойник впервые улыбнулся. Коротко, одним углом рта, — Ты не знал?

— Нет. Я просто мыл его.

Двойник кивнул, как будто это объяснение было вполне

достаточным.

— Как я здесь оказался? — спросил я, — Все это странство вокруг, весь этот мир.

Двойник молчал и внимательно смотрел в мои глаза. Казалось, он прикидывал, что можно говорить, а что нет.

— Я выбрал музыку, — сказал он наконец, — В какой-то момент мне предложили выбор: или оставаться там, где я был, или пойти в другую сторону. Я пошел. Сначала была группа. Потом все остальное.

— И как тебе?

Двойник посмотрел на меня. В этом взгляде было что-то особенное — не злость, не горечь, а что-то другое. Я не сразу понял, что это была усталость. Не физическая, а та, что живет глубже.

— Это как петь в пустом зале, — сказал двойник, — Снаружи полный зал, тысячи людей кричат, что любят тебя и подпевают слова всех твоих песен наизусть. А внутри пустота. И чем громче они кричат, тем слышнее эта пустота.

Я не нашелся что ответить и просто спросил.

— Ты видишь свет в людях?

Двойник чуть поднял голову.

— Давно вижу. Здесь это открывается само, если достаточно долго смотреть в зеркало с той стороны.

— И?

— И понимаешь, в музыке есть что-то похожее. Не в той музыке, которую я делаю на сцене, в другой. Там, за ней.

Как будто есть звук, который лежит в основе всего, а то, что я делаю, только эхо этого звука. Отражение отражения. Я его чувствую иногда — в середине концерта, в середине какой-нибудь ноты, которая вдруг становится не просто нотой, а чем-то большим. На секунду. Потом это чувство уходит.

Мы помолчали.

— И ты не можешь его поймать?

— Не могу. Уже двенадцать лет не могу. Я думал, если стану известным — смогу. Думал, что это вопрос инструментов — лучшая студия, лучшие музыканты, больше времени. Оказалось, что нет. Оказалось, что это вообще не вопрос инструментов.

* * *

Мы проговорили несколько часов.

Двойник рассказывал сначала неохотно, а потом все свободнее, как будто давно не было никого, с кем можно поговорить по душам. Я понимал: кому такое расскажешь? Менеджеру? Журналисту? Поклонникам, которые приходят на концерты и хотят видеть определенный образ, а не человека, который в три ночи не может уснуть и думает о том, что все это не его мир?

Слава оказалась устроена просто: она заполняет пространство вокруг тебя, но не заполняет тебя самого. Снаружи плотно, тесно и шумно, а внутри та же самая пустота, только

контрастнее, потому что снаружи все очень ярко. Двойник говорил об этом спокойно и без надрыва, как говорят о вещах, которые давно приняты как данность и уже не причиняют острой боли, только ноющую, привычную и фоновую.

— Поменяемся? — сказал он в какой-то момент.

Я не сразу понял.

— Что?

— Давай поменяемся местами. На три дня. Ты живешь здесь, я там. Мне нужно посмотреть на что-нибудь обычное. Ты понимаешь, о чем я?

Я понимал. Три дня в этой квартире. Три дня с этим видом из окна. Три дня без металлочерепицы и мамы клиента по поликарбонату. Но что-то остановило меня раньше, чем я успел ответить согласием. Я вспомнил свечение, которое видел в людях на улице. Вспомнил, каким оно было у двойника — я заметил его, когда тот вошел в кафе. Яркий, это правда. Сильный. Но с чем-то внутри, что напоминало трещину. Не снаружи, а внутри. Тонкую, почти невидимую, но идущую глубоко.

— Подожди, — сказал я, — Ты мне что-то не договариваешь.

— Все что-то не договаривают.

— Это не ответ, — я наклонился вперед, — Зачем ты хочешь туда? Не только «посмотреть на обычную жизнь», ведь правда?

Повисла долгая пауза. Дождь за окном усилился. В кафе

было тепло и негромко играла музыка — что-то джазовое, почти неслышимое.

— Мне нужно остановиться, — сказал двойник очень тихо, — Здесь я не могу этого сделать. Все продолжается само по себе — концерты, интервью, студия, снова концерты. Я пробовал остановиться, но не получается. Слишком много людей, для которых это важно, слишком много обязательств. А там никто не ждет от меня ничего особенного.

Я посмотрел на двойника.

— Ты хочешь исчезнуть?

Двойник не ответил. Но и не стал отрицать.

И тогда я понял — не «исчезнуть» в смысле уехать куда-нибудь, сменить обстановку или взять паузу. Я пригляделся — облачко двойника, та трещина — она шла не в сторону, она шла вниз, к основанию. К тому месту, где у человека находится желание продолжать...

* * *

Тогда я решил показать двойнику кое-что.

— Пойдем.

Двойник не понял.

— Куда?

— Просто пойдем. Я тебе кое-что покажу. Потом поговорим про три дня.

Мы вышли на улицу. Дождь к тому времени почти пре-

кратился, осталась только морось, которая не капает, а просто висит в воздухе. Фонари отражались в лужах, прохожих было немного. Я шел и смотрел по сторонам. Я искал не декорацию, не красивую картинку, а то, что он сам замечал, когда не торопился. То, что становилось видимым, когда голова не была занята металлочерепицей и брифами.

Вот окно на первом этаже, светлое. За ним кто-то накрывает на стол — тарелки, хлеб, что-то в кастрюле. Обычный ужин обычного вечера. Но в этом окне было что-то, что я иногда замечал дома, когда возвращался поздно, видел свет в своем окне и знал, что там его ждут. Не потому что он известный или написал что-то хорошее, а просто потому что ты есть.

Я ткнул двойника локтем.

— Смотри.

Двойник посмотрел на окно. Выражение его лица не изменилось. Но свет внутри, я это заметил, на долю секунду стал чуть ярче. Мы пошли дальше. Двое подростков на лавочке делили наушники — один провод на двоих, оба смотрят в телефон, плечом к плечу. У обоих свечения были живыми и теплыми.

Мужчина выгуливал старого пса, который шел медленно и останавливался у каждого столба с достоинством, подобающим его возрасту. Мужчина не торопил его, просто шел рядом, засунув руки в карманы. В его свечении было что-то очень ровное. Как огонь, который давно горит и уже не

мечется.

На углу у магазина стояла женщина и разговаривала по телефону. Смеялась от души, по-настоящему, запрокинув голову и прижав пакет к боку. Свет у нее вспыхивал в ритм смеху.

— Ты это видишь? — я.

— Вижу, — сказал двойник.

— Нет, я имею в виду другое. Видишь, что они не ждут от тебя ничего? Им не нужно, чтобы ты поймал тот звук. Им не нужно, чтобы ты был кем-то. Они просто живут, и в этой жизни, как у той, которая смеется, скрывается то самое, что ты ищешь в музыке. Оно там есть, просто она не ищет это специально.

Двойник остановился и пристально посмотрел на женщину с пакетом, которая уже продолжала разговор.

— Как она это делает? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил я, — Может, не думает об этом. Может, просто кто-то рассказал ей что-то смешное, и она смеется. Иногда этого достаточно.

* * *

Мы вернулись в квартиру уже за полночь. Двойник включил свет и долго стоял у окна, глядя на огни города. Я смотрел на него. Трещина была на месте, но как будто стала менее глубокой.

— Ты хотел исчезнуть насовсем, ведь правда? — спросил я.

Двойник не ответил сразу.

— Иногда, — сказал он наконец, — Когда становится очень тихо внутри. Не в смысле покоя, а в смысле пустоты, мне кажется, что проще просто выключить все это. Весь шум и свет. Поиск того, что я не понимаю как найти.

— Ты нашел сегодня? — спросил я, — Хоть немного?

Двойник помолчал.

— Та женщина с пакетом, — сказал он.

Город внизу жил своей жизнью — последние машины, одинокие прохожие, где-то далеко смех.

— Про три дня, — сказал я наконец.

— Да.

— Я не поменяюсь с тобой. Не потому что не хочу. А потому что тебе не нужен чужой мир, тебе нужна остановка в своем. Просто остановка. Ты знаешь, как давно ты последний раз просто сидел у окна и ничего не делал? Не ждал вдохновения, не слушал, не чувствовал, а просто сидел?

— Не знаю. Давно.

— Вот. А тот звук, который ты ищешь, он не в студии и не на сцене. Может, он в том месте, куда ты попадаешь, когда перестаешь искать.

Двойник повернулся ко мне и первый раз за весь вечер по-настоящему посмотрел. Не оценивающе, не с тем знакомым прищуром, с каким смотрят на людей, привыкшие к тому,

что их разглядывают. Просто посмотрел.

— Ты странный, — сказал он.

— Я знаю. Это, кажется, единственное, в чем мы с тобой одинаковы.

Двойник чуть улыбнулся. В этой улыбке не было ни усталости, ни снисходительности, ни того профессионального обаяния, которое Никита видел на фотографиях. Просто улыбка. И свет внутри него стал чуть ярче. Не намного, но достаточно, чтобы это было заметно.

* * *

Поздно ночью, когда двойник уже спал, я сидел у окна с чашкой чая и смотрел на город. Я думал о книге и о том, что, может быть, первая глава уже написана, просто не на бумаге. Все это и есть первая глава. Просто я ее прожил, вместо того чтобы написать. Может, так и надо?

За окном Питер медленно приближался к тяжелому осеннему рассвету. Тому, который приходит как будто из-за обязанности а не потому что хочет. Серый свет над крышами. Первый трамвай где-то далеко. Я взял телефон и открыл документ с книгой.

Написал первую фразу и... Не удалил.

ГЛАВА III. Непослушный человек

*«Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится».*

Александр Пушкин, «Моцарт и Сальери».

Черный Человек любил утро. Не то чтобы оно чем-то принципиально отличалось от вечера или ночи — он одинаково хорошо работал в любое время суток, но утро имело особый вкус. Утром люди просыпались со своими вчерашними решениями, вчерашним стыдом, вчерашней злостью — и все это было еще теплым, еще живым и легко поддавалось обработке. Утром люди были особенно уязвимы. Они еще не успевали выстроить дневную защиту через те маленькие ритуалы, которые помогают человеку казаться себе приличным.

Он шел по городу и работал: замечал людей, оценивал, выбирал и делал очень маленькое, почти неощутимое движение. Как музыкант, который едва касается струны не для того чтобы извлечь звук, а для того чтобы струна начала дрожать сама.

Мужчина лет сорока пяти стоял у подъезда и курил. Рабочий, судя по куртке с чужим логотипом на спине. Лицо усталое, взгляд в никуда. Черный Человек остановился рядом. Не физически, нет, он работал иначе, без присутствия.

Он прислушался. Мужчина думал о своем начальнике и о том, как тот вчера публично его унизил на планерке, сказав что-то про «руки не оттуда растут». При всех, при новеньких. Мужчина все утро прокручивал это в голове. Злость была честная, живая, понятная, такую злость Черный Человек уважал, с ней было приятно работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.